

«ВИРИНЕЯ» — ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

• ТЕАТР

САМО название пьесы Л. Сейфуллиной — «Виринея» — связано с театром имени Евг. Вахтангова. Впервые она была поставлена на сцене вахтанговской студии (тогда это была еще студия, а не театр), молодым в ту пору режиссером А. Д. Поповым. Спектакль захватывал зрителей достоверным показом русской деревни, великолепной игрой артистов, и прежде всего Б. Щукина (Павел Суслов) и Е. Алексеевой (Виринея). Он рассказывал о том, как свет большевистских идей, добираясь до самых далеких уголков России, изменяет сознание крестьян, как вырастают из крестьянской среды борцы за новую, советскую деревню. В этом была ошеломляющая новизна спектакля, то новое слово, которое сказал театр о жизни, о людях, о революции.

Прошло более трех десятков лет, и в преддверии юбилея нашей страны театр имени Вахтангова вновь об-

ратился к «Виринее». Чем же сегодня взволновала пьеса постановщика — Евг. Симонова, художника В. Волкова и актеров? Какую тему, важную и нужную сегодня, открыли они в «Виринее»?

Прежде всего они отказались от попытки реставрировать старый спектакль. Они постарались прочитать пьесу заново, так, будто не имеет она никакой сценической традиции. И при таком подходе на первый план вышла тема самой Виринеи, тема становления личности, и, может быть, даже еще шире — как в глухомани сквозь тупость и заботность деревенского существования прорываются к жизни натуры талантливые, сильные, самобытные. От желания присмотреться пристальней, проанализировать этот процесс родился и образный строй спектакля — несколько торжественный, чуть замедленный по ритму, с подчеркнuto укрупненными мизансценами, с нарочитым

небрежением к этнографическим подробностям деревенского быта.

Виринею в этом спектакле играет Юлия Борисова. Уже в первом ее появлении — она не входит, а как-то вдруг, внезапно, возникает из темноты, тонкая, гибкая, с легкими, плавными движениями — есть что-то необычное, тревожащее. Нет, не похожа на обыкновенную деревенскую бабу эта женщина с отчужденным, замкнутым лицом, с неторопливой строгой повадкой, с ровным, рассудительным голосом. А она и в самом деле не такая, как все. Из старообрядцев — «кержачка», с мужиком своим живет невенчанная, не заботясь, что скажут соседи. Она не тратит себя, «не расходует» на свары и пререкания, но уж если задела ее за душу, не стерпит обиды, ничего не пожалев, уйдет в чем стоит. Как бы очерчен невидимый круг, в котором существует Виринея — Борисова, кото-

рый отделяет, обособляет ее. Она вроде бы и живет теми же интересами, что и все в деревне, и в то же время чувствуется, что внутри у нее бьется еще иная, ей одной ведомая жизнь. Потому не липнет к Виринее грязь и пошлость окружающего. Потому отскакивают от нее сплетни и злые насмешки. Потому эта Виринея вызывает к себе уважение, веру в подлинную ее чистоту.

И все-таки, кто знает, как сложилась бы судьба Виринеи, не разметала ли бы она попусту свои душевные сокровища, если бы не пришла к ней любовь.

Любовь в общем-то ничего не изменяет в Виринее — Борисовой, а лишь делает тайное явным. Слово находится наконец примененно и ее уму, и ее заботливости, преданности, самоотверженности, ее желанию и умению быть не только женщиной, но и другом, единомышленницей, помощницей своего любимого.

А любимый Виринеи — большевик, окопный солдат Павел Суслов. Исполнитель этой роли — Михаил Ульянов принадлежит к разряду артистов, о работе которых трудно судить по тому, как играют они на премьере. Обычно он вживается в образ постепенно, от спектакля к спектаклю обогащая его новыми красками. А пока можно сказать, что игре Ульянова присущи простота и доподлинность. Актер выделяет в своем герое его убежденность, искреннюю озабоченность делами деревни, его мудрую доброту, умение за внешним разглядеть главное в человеке. Однако хотелось бы больше контрастных тонов в этом образе, особенно в отношении Павла к Виринее. Не так уж безоблачно и просто сложилась их трудная любовь. Недаром же упрекает Виринея Павла: «Ни с какой стороны не подойдешь, все ты чисто за стеклом. И близко, да не свой». Однако Павел — Ульянов с самого начала добр и ровен к Виринее, и не может возникнуть сомнения, что любит он ее, хотя по пьесе признание это вырывается у него перед разлукой, нежн-

данно, неловко, точно сам он смущен своим чувством.

Как всегда, спектакль вахтанговцев радует изяществом и слаженностью актерского ансамбля, почти концертной законченностью эпизодов. С каким блеском, например, играют Л. Пашкова и Е. Федоров не существующую в пьесе сцену ухаживания пленного австрийца за солдаткой Анисьей! Не произносится почти ни одного слова, а все ясно. Лариса Пашкова играет Анисью сочно, щедро расцвечивая роль самыми неожиданными узорами. Но ни одна деталь не существует сама по себе. Все «работает», помогая создать очень точно увиденный человеческий характер — образ женщины мелкой и лживой, завистливой и недоброй, вздорной, но лишенной ничто самолюбия, чувства собственного достоинства.

Интересны сыгранные каждый по-разному, но все остро и изобретательно — Фекла (Д. Андреева), Васи-

лий (А. Граве), Инженер (Н. Тимофеев), Учитель (А. Борисов). В роли Савелия Магары выступает Н. Гриценко. Это очень сложный образ мужика, которого «сковырнула» война, растревожила, заставила кидаться от богонскательства к богохульству. Хороши у Н. Гриценко первые сцены, когда рассказывает Магара о том, как явился к нему божий посланец, когда решает Магара принять при народе посланную богом смерть. Смешно и нелепо выглядит этот здоровенный мужик, взявшийся проповедовать слово божье. Но ведь Магара не только смешон. Он олицетворяет темную стихийную силу, развязанную смутным временем. Такому нет закона, нет указа, и в своей слепой ярости он доходит до убийства. Но эта вторая грань образа еще недостаточно раскрыта актером.

...Ровная белая гладь — занесенная снегом деревенская околица. Слово черные тюки, лежат с краю ка-

зак — третью ночь караулят они Виринею. Хоть и скрылась она от них, хоть ушла в отряд к Павлу, все равно, знают они, вернется в деревню, к ребенку, «молоко ее приведет». И правда, на этой белой глади, как из марева, вырастает тонкая одинокая фигурка. Она крадется к дому. Казаки замечают ее. Короткая схватка — и лежит распластанная на снегу мертвая Виринея. Лишь звучит вдалеке партизанская песня «Наши идут!». Прекрасно найденная точка, завершающая спектакль.

Так прочитало и так сыграло новое поколение вахтанговцев «Виринею», подтвердив неувядаемую жизненность этого классического произведения советской драматургии.

Л. КАФАНОВА.

НА СНИМКАХ: слева — народный артист СССР Н. ГРИЦЕНКО (Магара), справа — народные артисты РСФСР М. УЛЬЯНОВ (Павел) и Ю. БОРИСОВА (Виринея). Фото А. Гладштейна.

Московская правда, 1967, 6 окт.